

**В диссертационный совет Д-212.239.03
при ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия».**

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию **Калиниченко Дмитрия Валентиновича** на тему «**Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах**», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что социальное предпринимательство – относительно новое для Российской Федерации правовое явление. В самом общем виде под социальным предпринимательством можно понимать использование средств предпринимательства для решения социальных проблем. Потребность в социальном предпринимательстве вызвана объективными причинами, связана с невозможностью публичной власти в одиночку обеспечить реализацию конституционных социальных гарантий. Важность и востребованность социального предпринимательства не вызывает сомнений, соискатель убедительно показывает это во введении. За последние 10-15 лет в мире сложилась идеология социального предпринимательства. Существуют различные подходы к организации социального предпринимательства, но в большинстве стран указанный феномен перестали понимать просто как экономическую деятельность специальной организации по достижению социального эффекта, и рассуждают о взаимодействии государства, бизнеса и гражданского общества в решении социальных проблем, на основе применения инструментов как частного, так и публичного характера.

При этом институт социального предпринимательства до настоящего времени не получил правового закрепления. Несмотря на то, что Президент России за последние три года несколько раз подчеркивал актуальность и необходимость введения понятия «социальное предпринимательство», специальный закон разработан совсем недавно. 5 марта 2019 года в первом чтении принят

законопроект № 620203-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»)), не все положения которого, кстати, однозначно положительно оцениваются юридической и экономической общественностью. Так, Правовое управление Государственной Думы среди замечаний указало на необходимость конкретизации целей социального предпринимательства. Пока не ясно, каким образом будут совмещаться в законодательстве термины «социальное предпринимательство» и «социально ориентированная некоммерческая организация». Последний термин имеет определенную практику применения – он введен Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», причем юридико-техническое исполнение термина также не является совершенным.

Поэтому уже можно с достаточно большой долей уверенности говорить о том, что работа над установлением содержания термина «социальное предпринимательство» будет продолжена и после принятия указанного закона. Соответственно, изучение иностранного опыта в указанной сфере представляется необходимым: компаративистские исследования всегда способствуют преодолению неразработанности того или иного правового института.

Важно отметить, что диссертация Калиниченко Д.В. является развитием идей его научного руководителя, Гришиной Я.С., которая первая из российских юристов занялась тематикой социального предпринимательства и в 2016 году успешно защитила докторскую диссертацию «Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства». Подобный подход, по сути, являющимся началом формирования школы по важной и актуальной проблеме, следует приветствовать. Также можно констатировать, что диссертацию в определенной мере можно считать творческим развитием концепции имущественных потребностей, разработанной выдающимся саратовским ученым профессором Н.А. Бариновым.

Целью кандидатской диссертации Калиниченко Д.В. является формирование целостного научного представления о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах, включая

обоснование научно-практических рекомендаций по легализации статуса субъекта в отечественном законодательстве. Такая постановка цели, безусловно, является востребованной в настоящее время, как с позиции теории, так и с точки зрения правоприменительной практики. Конечно, возникает вопрос – а можно ли в принципе достичь такой объёмной цели? Тем более при отсутствии единых представлений, концепций, теорий в зарубежном законодательстве. Но соискатель достаточно успешно справился с поставленными сложными задачами. Возможно, огромный предмет исследования повлиял и на то, что некоторые выводы выглядят перегруженными. Особо следует отметить выбор государств, законодательство которых стало предметом исследования – именно в этих странах наиболее интересный опыт законодательного регулирования и правореализации в сфере социального предпринимательства.

Исследования сравнительно-правового характера часто критикуются некоторыми учеными, считающими, что простое сопоставление норм законодательства различных стран не представляет особой научной ценности. Нужно отметить, что такие претензии не должны высказываться Д.В. Калиниченко – он сумел не просто проанализировать нормы законодательства и материалы правоприменительной практики ряда государств, но смог оценить полученные выводы с точки зрения актуальных научных теорий, смог сформулировать общие тенденции и особенности механизма правового регулирования.

Поэтому следует признать, что соискатель успешно реализовал поставленную цель. В работе четко прослеживается последовательное, поэтапное решение поставленных диссертантом задач исследования, что делает работу структурно выверенной и логичной по подаче научного материала.

То, что изучено право и практика многих государств, позволяет сформировать целостный взгляд на проблему правового обеспечения социального предпринимательства, крайне важный в условиях, когда отечественный законодатель делает лишь первые шаги в данной области.

Соискатель исследовал зарубежный опыт. Но работа бы только выиграла бы от того, если бы автор сделал попытку анализа законодательной и правоприменительной практики в области социального предпринимательства в нашей стране. В Российской империи определенный опыт имелся: например, дома трудолюбия, созданные о. Иоанном Кронштадским.

Соискателем грамотно были применены **методы научного исследования** как общенаучные, так и частно-научные: системный анализ, правовое моделирование, научный прогноз, межотраслевой, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Указанная методологическая основа диссертационного исследования определила достоверность и обоснованность результатов, которые были получены в ходе исследования, что обеспечило диссертации достаточно высокий научный уровень. Применение сравнительно-правового метода исследования является успешным и оправданным. Это позволило исследователю не только выявить сходства и различия в правовом положении субъектов социального предпринимательства в различных странах, но и определить правовые новации в указанной сфере. Автор использовал значительное количество отечественных и зарубежных законодательных актов, актуальные материалы судебной практики по делам с участием субъектов малого и среднего предпринимательства, научные труды по исследуемой проблематике.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в самой постановке проблемы, целях и задачах исследования, а также в выводах, положениях и предложениях, выносимых на защиту. Автором диссертации сформулированы и обоснованы новые теоретические положения о социальном предпринимательстве, в частности, обоснованы основные принципы идеологии социального предпринимательства как методологической базы совершенствования правового статуса субъекта социального предпринимательства (С. 29). Сформулированы дефиниции: социального предпринимательства (С. 35), субъекта социального предпринимательства (С. 51); представлена классификация субъектов социального предпринимательства (С. 33, 51). Сформировано целостное представление о достоинствах и недостатках наиболее типичных зарубежных правовых моделей социальных организаций, выявлены особенности, общие закономерности и тенденции развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовой статус субъектов социального предпринимательства (СС. 75-77, 79-80, 83-84, 94, 101-102, 106-108, 121-123, 140-141). Также был подвергнут критике российский подход к решению проблем определения правового статуса субъекта социального предпринимательства (С. 144-145, 146-148); обоснована, с учетом зарубежного правоприменительного опыта, его оптимальная

правовая модель в РФ, в частности: разработаны критерии социально-предпринимательской организации (предприятия) как объекта государственной поддержки (С. 165-166); оценены достоинства зарубежного социально-инновационного правового инструментария – облигаций социального воздействия (С. 179-181).

До настоящего времени подобных общих исследований современного зарубежного законодательства в сфере социального предпринимательства в соотношении с российским правом не проводилось.

Многие выводы и предложения по развитию российского законодательства представляют как теоретический, так и практический интерес. Так, вполне можно согласиться с соискателем, что американская негосударственная рейтинговая сертификация присвоения статуса субъекта социального предпринимательства пока не приемлема для России (часть седьмого положения, выносимого на защиту, С. 18, 106, 193). Можно согласиться с позицией соискателя, что требование об обязательном реинвестировании части прибыли в развитие общественно полезной сферы представляется продуманным подходом (часть восьмого положения, выносимого на защиту, С. 19, 70-72, 162-166).

Теоретическая значимость исследования заключается в сформулированных автором выводах и предложениях, оказывающих влияние на теорию гражданского и предпринимательского права. В определенной мере можно говорить о развитии автором ряда научных теорий: конвергенции публичного и частного права, межотраслевых связей, единства и дифференциации правового регулирования и т.п. Основные положения и выводы работы способствуют приращению юридических знаний в сфере социального предпринимательства. Представленные в диссертационной работе результаты научного исследования могут рассматриваться как теоретико-методологические основы формирования и совершенствования правовых норм российского законодательства о социальном предпринимательстве.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования сделанных в ней выводов и предложений в законодательной правотворческой работе, а также при применении норм в сфере регулирования деятельности субъектов социального предпринимательства.

Достоверность результатов исследования соискателя не вызывает сомнений, поскольку изложенные выводы основываются на убедительной нормативной и теоретической базах. Большая часть выводов диссертанта сопровождается серьезной аргументацией и ссылками на отечественные, зарубежные источники, эмпирический материал, что делает их научно достоверными. Список использованных источников содержит более 250 наименований, что показывает глубину и всесторонность проведенного исследования.

Оригинальность исследования проявляется в постановке научных задач (С. 11-12), которые, в свою очередь, обусловили **структуру** диссертации. Работа состоит из трех глав, включающих в себя восемь параграфов.

В первой главе «Эволюция идеологии социального предпринимательства как методологической основы совершенствования нормативной базы, регламентирующей правовое положение субъекта социального предпринимательства в России и зарубежных странах» автором исследованы истоки зарождения идеологии социального предпринимательства в мире в целом, его системообразующие принципы, предпосылки появления во многих странах субъектов социального предпринимательства, их виды.

На основе анализа работ иностранных авторов соискателем выделены характерные признаки, идеи и принципы, присущие социальному предпринимательству (С. 25-26, 29). По мнению соискателя, не все предприниматели являются социально ответственными, а те, которые являются таковыми, не обязательно занимаются социальным предпринимательством. Таким образом, предприниматели, занимающиеся социально ответственной деятельностью, не всегда занимаются социальным предпринимательством. Данный вывод вполне обоснован и соответствует общемировым тенденциями: можно осуществлять социально ответственный вид деятельности, при этом на первом плане оставляя исключительную цель получения максимальной прибыли, к примеру, производить предметы первой необходимости для инвалидов (С. 30). Автор приходит к вводу, что социальную ответственность нельзя рассматривать как юридическую категорию (С. 42).

Особый интерес вызывает классификация субъектов социального предпринимательства, ранее не присутствующая в науке предпринимательского права. Автор в зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных

проблем дифференцирует субъектов социального предпринимательства на социально-ориентированные организации: социально-трудовой интеграции и общественной пользы (второе положение, выносимое на защиту, С. 15, 33-34). Вывод о том, что в социально-предпринимательском правоотношении наблюдается преследование бинарной аксиологической направленности – извлечение прибыли и достижение социального эффекта (С. 34), также выглядит убедительным.

Во второй главе автор исследует различные формы легализации субъектов социального предпринимательства в государствах Европы и Америке. Подробно проанализирована правовая регламентация социального кооператива в Италии.

Отдельного внимания заслуживают выводы, сделанные на основе анализа законодательства США и Германии. Автор исследует результаты применения в США негосударственной рейтинговой сертификации присвоения статуса субъекта социального предпринимательства, подробно описывает легализованную в Германии в 2013 году для осуществления социально-предпринимательской деятельности специальную организационно-правовую форму юридического лица – некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (gGmbH) (С. 103-107).

Соискатель подробно исследует практику Великобритании – установление правового статуса субъекта социального предпринимательства, который могут приобрести все коммерческие, а в некоторых случаях и некоммерческие благотворительные организации (С. 109). Автор приходит к выводу, что опыт Великобритании представляет особый интерес, так как компания общественных интересов является универсальной конструкцией, позволяющей заниматься коммерческой деятельностью, эффективно решая при этом и социальные проблемы, а система блокировки активов позволяет сделать ее наиболее успешной и оптимальной в области социального предпринимательства (С. 120-121).

Также подробно диссертантом изучено правовое положение субъектов социального предпринимательства в Южной Корее. Сделан вывод, что в этой стране использован опыт Великобритании по осуществлению предпринимательской деятельности в форме «компании общественных интересов» (С. 140).

В третьей главе Калиниченко Д.В. критикует российский подход к регламентации статуса субъекта социального предпринимательства. При этом на

основе выводов, содержащихся во второй главе, соискатель самостоятельно формирует свои наиболее оптимальные критерии, любой из которых служит основанием для предоставления такого статуса. Десятое положение, выносимое на защиту, является новым и интересным (особенно в связи с предстоящим вторым и третьим чтением законопроекта № 620203-7 (С. 20-21, 165-166). Не менее интересным для исследования и ранее не изученным является социально-предпринимательский правовой инструментарий – облигации социального воздействия, опыт по применению которых автором оценивается положительно (С. 179-181).

Важно отметить, что, несмотря на изобилие в работе иностранных источников, позволяющих изучать концепции социального предпринимательства, автор сопровождает исследование анализом отечественных концепций и доктрин, а также норм действующего российского законодательства (С. 40-42).

Диссертация в целом производит весьма благоприятное впечатление. Соискатель показал себя квалифицированным ученым, способным выдвигать оригинальные идеи и отстаивать свою научную позицию. Цели и задачи диссертационного исследования соискателем были достигнуты.

Важным дискуссионным моментом установления содержания правовой категории «социальный предприниматель» является вопрос отнесения к социальным предпринимателям некоммерческих организаций. Д.В. Калиниченко придерживается именно такого подхода, что ясно из первого положения, выносимого на защиту (С. 14-15). Но с точки зрения ГК РФ некорректно называть некоммерческую организацию предпринимателем, тем более после того, как из ст. 50 ГК РФ была в 2014 году исключена фраза о том, что некоммерческие организации могут заниматься предпринимательской деятельностью. Сейчас п. 4 ст. 50 ГК РФ гласит, что некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность. В определенной мере мы имеем противоречие между нормами ГК РФ (ст. 2 и ст. 50) и потребностями реальной экономической жизни. Отметим, что законопроект № 620203-7 предполагает, что термин «социальный предприниматель» будет использован исключительно к некоторым субъектам малого и среднего предпринимательства. Интересно, что к субъектам малого и среднего предпринимательства могут относиться и некоммерческие организации, правда, всего один вид – потребительский кооператив. Соискатель в

работе (С. 148-152) негативно относится к подходу законодателя о том, что социальное предпринимательство возможно только в области малого и среднего предпринимательства.

Возможно, наиболее удобным подходом в российском праве было бы закрепление в специальном законе термина «социальная организация», к которой можно отнести коммерческие организации «социальных предпринимателей» и социально ориентированные некоммерческие организации. Интересно мнение соискателя по этому вопросу.

Наряду с общей положительной оценкой результатов диссертационного исследования хотелось бы обратить внимание на некоторые **замечания и дискуссионные моменты**, требующие дополнительных пояснений.

1. В первом положении, выносимом на защиту, соискатель относит к социальным предпринимателям индивидуальных предпринимателей, коммерческие и некоммерческие организации. Как уже отмечалось, возможны совершенно различные мнения относительно отнесения к категории социальных предпринимателей некоммерческих организаций. А целесообразно ли относить к субъектам социального предпринимательства лиц, осуществляющих профессиональную деятельность? Они, во-первых, тоже могут выполнять социальные функции, во-вторых, как и некоммерческие организации, могут быть хозяйствующими субъектами по определению ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Кроме того, с 1 января 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Можно ли относить к субъектам социального предпринимательства самозанятых граждан?

2. В ряде случаев возникают вопросы по точности формулировок, используемых соискателем. Так, в первом положении, выносимом на защиту, говорится, что для социального предпринимательства «...получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом...» (С. 15). Может быть, не приоритетность достижения социального эффекта, а само по себе достижение этого эффекта?

В четвертом положении (С. 15) автор пишет о выявлении в мировой правоприменительной практике четыре наиболее распространенных способа легализации субъекта социального предпринимательства. Наверное, все же не в правоприменительной, а в законодательной практике.

3. В работе часто упоминается о предоставлении субъекту социального предпринимательства статуса «социального кооператива» (СС. 6, 15-17, 39, 75-93). Автор говорит о предоставлении такого статуса как об условии государственной поддержки социального предпринимателя в странах континентальной Европы, приводя в пример, прежде всего, итальянский опыт. Подобные организации существуют в Италии, Испании, Польше, Финляндии, Греции. При этом социальные кооперативы не всегда являются разновидностью кооперативов, в ряде стран ЕС такой статус может получить практически любое юридическое лицо, отвечающее определенным критериям. Поэтому, говоря не только об Италии, но о Европе в целом, при переносе европейского названия на российскую почву имеет смысл переводить термин не как «кооператив», а как «организация» или «объединение».

4. В исследовании не самая обширная эмпирическая основа. Деятельность субъектов социального предпринимательства при отсутствии развитой нормативной базы должна регулироваться исходя из правовых позиций, отраженных в судебных актах. Но в работе представлена весьма немногочисленная судебная практика. Чем это можно объяснить?

5. Предлагаемые автором критерии правового статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации (С. 20-21, 142-167), выглядят перегруженными. Слишком большое количество критериев негативно сказывается на удобстве правореализации – примером может быть Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Есть ли смысл в столь сложной системе критериев? Тем более автор сам предлагает механизм предоставления статуса социального предпринимателя в индивидуальном порядке, т.е. при несоблюдении критериев (С. 21).

Конечно, принятые в первом чтении 5 марта законопроект №620203-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части закрепления понятий

«социальное предпринимательство», «социальное предприятие»)) также насыщен достаточно сложными критериями.

6. В десятом положении на защиту (С. 21) соискатель полагает обоснованным осуществлять «государственную поддержку субъектов социального предпринимательства – коммерческих корпоративных организаций» только «при условии обязательного реинвестирования в решение социально значимых проблем не менее 66% прибыли организации». Понятно, что автор взял предлагаемую цифру из зарубежного законодательства. Но возникают вопросы. Правомерно ли переносить цифровые показатели, применяемые в Великобритании и Южной Корее, на российскую почву? Требуется обоснование, причем с позиций не только правовой, но и экономической науки. У нас разные подходы к формированию резервного капитала, разные ставки рефинансирования, иная общая экономическая ситуация. И как, по мнению диссертанта, возможно практически осуществить контроль за исполнением требования об обязательном реинвестировании в определенном размере?

Однако заданные вопросы и сделанные замечания не снижают научную и практическую ценность диссертационного исследования и никоим образом не влияют на общее положительное впечатление от работы.

Диссертация характеризуется внутренним единством, является самостоятельным исследованием, соответствующим профилю научной специальности. Диссертация полностью соответствует паспорту специальности 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Предложенные автором решения научно аргументированы, в целом достоверны, научно обоснованы. Основные научные выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании Д.В. Калиниченко, отражены в научных публикациях автора.

Можно сделать общий вывод о том, что диссертация Калиниченко Дмитрия Валентиновича «Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах» на соискание ученой степени кандидата юридических наук написана на актуальную тему, обладает научной новизной и представляет собой оригинальное и завершенное научное исследование, соответствующее требованиям раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением

Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 1 октября 2018 г. № 1168). Автор диссертационной работы – **Калиниченко Дмитрий Валентинович** – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент

Кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой
предпринимательского и энергетического права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

 Михайлов Андрей Валерьевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
Телефон: 8(843) 233-71-09
e-mail: public.mail@kpfu.ru
Сайт: <https://kpfu.ru/>
Кафедра предпринимательского и энергетического права,
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, комн. 235
Телефон: (843) 233-78-22, +7 987 2969133
Электронная почта: predprim_pravo@kpfu.ru; avm@pravmail.ru.

22 марта 2019 г.



Сведения об официальном оппоненте:

1. Михайлов Андрей Валерьевич

2. Кандидат юридических наук (юридические науки, специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

3. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и энергетического права

4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Михайлов А.В.* Эффективность норм предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 86–95.

2. *Михайлов А.В.* Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 6. С. 133–141.

3. *Михайлов А.В.* Эффективность законодательства о саморегулировании: проблемы теории и юридической практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 1–8.

4. Anna Kovshova, Andrey Mikhaylov, Lilia Sungatullina Antitrust rules of functioning of retail networks in Russia and foreign countries: modern status and development prospects // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. № 4 (2017). Р. 103-107.

5. Lilia A. Sungatullina, Andrey V. Mikhaylov, Aygul V. Valeeva, Anna I. Kovshova Self-Regulatory Organizations in Russia and European Countries: Current State and Prospects of Development // Helix Vol. 8 (1): 2214-2217. 2018.

6. *Михайлов А.В.* Общие вопросы эффективности правового регулирования предпринимательских отношений // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. тр. / под общ. ред. О.А. Заячковского. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 318 с. (С. 75–80).

*В диссертационный совет Д-212.239.03
при Федеральном государственном бюджетном образовательном
учреждении высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104*

*доктора юридических наук, профессора,
заведующего кафедрой гражданского права и процесса
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»*

*Тычинина Сергея Владимировича
адрес: 308085, г. Белгород, ул. Победы, 85
телефон: 8 (4722)-30-12-32
e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru*

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**на диссертацию Калиниченко Дмитрия Валентиновича на тему
«Правовое положение субъектов социального предпринимательства в
Российской Федерации и зарубежных странах», представленную на
соискание ученой степени кандидата юридических наук по
специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право.
(Саратов, 2019)**

Актуальность диссертационного исследования. В первые годы возрождения предпринимательства в России основной акцент был направлен на развитие коммерческого сектора экономики. В гражданском законодательстве получили детальное закрепление апробированные в мировой практике модели хозяйственных обществ и товариществ, производственных кооперативов. Основными формами опосредования государственного сектора экономики выступают унитарные предприятия и учреждения. При этом совершенствуются экономические и правовые механизмы участия государства в деятельности крупных коммерческих организаций, а также посредством создания государственных корпораций. В свою очередь некоммерческий сектор представлен разнообразными формами некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на достижение различного рода общественных благ. Однако во многих странах мира, под воздействием соответствующих предпосылок, получили

распространение социально-ориентированные формы осуществления хозяйственной деятельности, направленные на удовлетворение социальных потребностей граждан (социальная помощь, медико-санитарная помощь, социальная защита и здравоохранение, образование, защита окружающей среды, укрепление культурного наследия, социальный туризм и т.д.). Во Франции примерно 50% корпораций занимаются социальным предпринимательством, в США – 70%, в Германии – 93%. В условиях глобального социально-экономического кризиса и в российском обществе объективно формируется запрос на правовые модели социально ориентированной деятельности. Такой моделью, по верному суждению автора, как раз и выступают субъекты социально-предпринимательской деятельности. Опыт стран с развитой экономикой показывает возрастающую роль организаций, направленных на решение социальных задач, стоящих перед обществом, основанных на демократических принципах, снижающих роль и значение жесткой корпоративной дисциплины, свойственной капиталистическим формам организаций. По сути, речь идет о формировании «третьего» социального сектора экономики.

В России, как нам представляется, социальный сектор не получил достаточного развития. Отдельные ростки можно сопоставлять лишь с деятельностью кооперативов. Однако в целом кооперативный сектор развивается слабо. Одной из весомых причин автор видит в отсутствии в отечественной правовой доктрине и законодательстве дефиниции социального предпринимательства, неопределенности правовых критериев статуса субъекта социального предпринимательства и условий их поддержки, что существенно тормозит формирование социально-предпринимательского сектора. Современные инициативы на различных уровнях власти пока не находят законодательного оформления соответствующих форм. Несовершенно в этом смысле и гражданское законодательство, которое до сих пор не уделяет должного внимания социальным субъектам. Не решены проблемы баланса частноправовых и публично-правовых норм в правовом положении социальных субъектов гражданского права. Вышеназванные перечисленные обстоятельства свидетельствуют о несомненной актуальности выбранной автором темы диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования. В цивилистической науке сформированы определенные шаги к развитию правового статуса субъектов социального предпринимательства, исследуются отдельные аспекты зарубежного опыта. Однако специального цивилистического исследования правового положения субъектов социального предпринимательства, его становления и развития в Российской Федерации и зарубежных странах не проводилось. Заявленная автором проблематика по-новому развивает конституционную норму о признании РФ социальным государством.

Усилиями диссертанта проведена большая работа по разработке комплексного научного представления о правовом положении субъектов

социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах. Разработано и сформулировано определение субъекта социального предпринимательства и проведена их научная классификация. Глубокий анализ зарубежного опыта развития социального предпринимательства позволил: выявить тенденции и закономерности развития законодательства, определяющего правовое положение субъектов социального предпринимательства и их трансформацию в смешанные социально-предпринимательские организации; определить законодательные подходы к легализации критериев субъекта социального предпринимательства и условий их государственной поддержки; сформулировать предложения по формированию российского законодательства в области развития субъектов социального предпринимательства; оценить перспективы применения зарубежного социально-предпринимательского правового инструментария (облигаций социального воздействия) поддержки социального предпринимательства.

Структура работы соответствует целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из восьми параграфов, заключения и библиографии, а также включает 256 источников.

По результатам проведенного исследования диссертантом сформулированы **одиннадцать положений и выводов**, которые последовательно синхронизированы с планом диссертации, целью и задачами исследования. Большинство положений и выводов обладают научной новизной, глубоко обоснованы, вносят существенный вклад в цивилистическую науку и правоприменительную практику.

В первой главе (с. 23-74 дисс.) автор рассматривает эволюцию идеологии социального предпринимательства как методологической основы совершенствования нормативной базы, регламентирующей правовое положение субъекта социального предпринимательства в России и зарубежных странах. В первую очередь (§1) автором рассмотрено влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики. В таком ракурсе подвергнуты анализу понятие, виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике. На основе зарубежного опыта к субъектам социального предпринимательства автор, вполне обоснованно, относит индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации (социальных предпринимателей) в области социально-трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью. Определено, что в законодательстве зарубежных стран субъекты социального предпринимательства сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации.

Во втором параграфе первой главы автор исследует тенденции и закономерности нормативных (правовых) подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства. Широко представлен опыт стран с развитой социально-ориентированной экономикой. В европейской традиции термин «социальное предприятие» чаще применяется в отношении кооператива социально-трудовой интеграции, а в США – некоммерческих организаций общественной пользы. Обобщив опыт, прежде всего, Италии, обращено внимание на возможность использования в отечественном законодательстве категории социального предприятия (с. 60 дисс.). Заслуживают поддержки выявленные способы легализации субъектов социального предпринимательства: компании с социальной миссией независимо от какой-либо организационно-правовой формы (в большинстве стран Европы); негосударственная рейтинговая сертификация социально ориентированных организаций (с. 69 дисс.) (США); государственная сертификация (Южная Корея); предоставление статуса корпорации общественной пользы (компании общественных интересов) социально ориентированным коммерческим юридическим лицам, отвечающим определенным в законодательстве общественно значимым критериям (Великобритания, Канада) (с. 71 дисс.).

Во второй главе диссертации исследован зарубежный опыт определения статуса субъекта социального предпринимательства и условия его государственной поддержки. Данная глава включает четыре параграфа, посвященных правовым критериям предоставления статуса социального кооператива в странах континентальной Европы (§1), социально ориентированной корпоративной организации в США и Германии (§2), корпорации общественных интересов в Великобритании и Канаде (§3), универсальной модели в Южной Корее (§4).

Приоритетной правовой конструкцией субъектов социального предпринимательства в Европе признана модель итальянского социального кооператива, реализующего интерес общества к развитию человека и его социальной интеграции путем управления социальным обслуживанием и обеспечением занятости лиц, находящиеся в неблагоприятном положении, в производственной сфере (с.76 дисс.). Для российского законодательства интерес представляет способность социального кооператива мобилизовывать так называемых добровольцев: лиц осуществляющих деятельность в общественных целях на безвозмездной основе (с.78-82дисс.). К числу достоинств такого кооператива автор обоснованно относит возможность использования для улучшения бизнеса фигуры инвестора, а так же институт переводных именных акций. Социальные начала кооператива диктуют необходимость делегирования полномочий государственным органам (с. 83 дисс.).

Интересен анализ опыта создания смешанных кооперативов, совмещающих оказание социальных услуг и производственную деятельность (с. 83-85). По действующему российскому законодательству невозможно

создавать смешанные кооперативы (потребительские и производственные), что ставит существенные преграды для развития социально-полезной деятельности. Диссертант убедительно доказывает, что итальянская модель социального кооператива применима к социальной деятельности любых коммерческих и некоммерческих организаций. Первые должны соблюдать порядок ограничения распределения прибыли, вторые - предоставить доказательства своей социально-предпринимательской природы. Основная часть доходов от социальной деятельности должна составлять не менее 70% от общей суммы его доходов. Социальный кооператив должен включать в наименование термины «социальное предприятие» или «социальный кооператив». 3% своего годового дохода отчисляется в фонд будущих кооперативов, не менее 30 % отчислять в резервный фонд. В случае прекращения деятельности социальных организаций, оставшееся имущество должно быть пожертвовано некоммерческим общественным организациям, ассоциациям, комитетам, фондам и церковным образованиям. Деятельность европейских социальных кооперативов поддерживается специально созданной для этих целей системой финансовых компаний и льготным налогообложением.

Несомненную ценность представляет изучение опыта США, где легализация субъектов социального предпринимательства осуществляется путем негосударственной сертификации в любом независимом рейтинговом агентстве в зависимости от присвоенного рейтинга общественной полезности, в социальных инвестиционных проектах частного бизнеса и государства (с. 94 дисс.). Критерии социального предпринимательства направлены на обеспечении конкурентных преимуществ и эффективности рыночных показателей социальных корпораций, ориентированных на общественную пользу, на продвижение идеи «справедливой торговли», направленной на поддержку различными общественными организациями производителей экологически чистой продукции и товаров ручной работы (с. 97- 98 дисс.). В этой связи Концепция развития публичной нефинансовой отчетности некоммерческих организаций, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р, первый шаг в данном направлении.

Непосредственными субъектами социально-предпринимательской деятельности в США являются коммерческие низко доходные корпорации с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company) и – общественного блага (Benefit corporation), выступающие в качестве гибрида коммерческой и некоммерческой организации.

Аналогом американским социальным компаниям выступает немецкое и австрийское некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (gemeinnützige GmbH), действующее на базе традиционного германского ООО (GmbH) и предназначенное для осуществления социально-предпринимательской деятельности. По справедливому мнению автора, американский подход к легализации правового статуса субъекта социального предпринимательства, в целом не приемлем для России, ввиду неразвитости

некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Неприемлема для автора и легализация российской специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица, как альтернативного решения, без определения правового положения субъекта социального предпринимательства (с.105 дисс.).

Далее автор показывает, что Британский опыт социально-ориентированной компании общественных интересов (Community Interest Company) с некоторыми особенностями был воспринят в ряде американских и азиатских стран. Они активно участвуют в различных социальных сферах, включая предоставление социальных и персональных услуг: образования, здравоохранения, социальной работы, а также получают доход от использования недвижимости (включая ее аренду).

Достоинство статуса компании общественных интересов диссертант находит в том, что его может приобрести практически любое хозяйственное общество, закрепившее в уставе в качестве основного вида деятельности оказание социально значимых (общественно полезных) услуг, а также в обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы (с. 123 дисс.). Дополнительные сферы, которые влияют на развитие социальных предприятий, включают в себя оптовую торговлю, розничную торговлю, финансовое посредничество, гостиничный и ресторанный бизнес, предоставление социального жилья.

Важность обращения диссертанта к британскому опыту определяется тем, что он заключается не только в максимизации конкурентных преимуществ и рыночных показателей, но и гарантированной направленности прибыли компании на социальные нужды (общественную пользу). В качестве Community Interest Company, по модели Италии, допускается регистрация частных и публичных организаций, ответственность участников которых ограничена акциями и частных организаций, ответственность участников которых ограничена гарантией. Имущественная основа социальной компании поддерживается правом на гранты и льготные кредиты от институтов общественно-финансового развития, которые недоступны частному бизнесу. Автором глубоко исследованы не только преимущества, но и недостатки Community Interest Company, выражающиеся в громоздкости документооборота, личной ответственности членов руководящего органа, высоком налогообложении, отсутствии льгот по налогам. Достаточно подробно исследован опыт Южной Кореи, впитавший в себя модели социальных компаний Великобритании, США и Италии.

Большой научный и практический интерес представляет глава третья, посвящённая поиску российских правотворческих подходов к определению правового статуса субъекта социального предпринимательства и оценке перспектив использования зарубежного опыта.

Современное состояние правового обеспечения социального

предпринимательства в России не могло не вызывать критики на страницах рецензируемой диссертации. В первом параграфе автор акцентирует внимание на законодательные инициативы по легализации социального предпринимательства. Попытки реформ в рамках ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» не получили должного результата, отвечающего моделям социально-ориентированным организациям развитых экономик. Автор предлагает принять закон «О социальном предпринимательстве», обосновывает структуру закона, его концептуальные положения.

Принципиальной идеей диссертанта является создание условий для использования гибридной модели социального предпринимательства, балансирующей между получением прибыли и миссией удовлетворения социальных потребностей (с. 153 дисс.). В качестве эталона при определении критериев статуса субъекта социального предпринимательства как условий государственной поддержки диссертантом предложен южнокорейский правоприменительный опыт, вобравший в себя итальянский, американский и британский законодательные подходы (с. 157 дисс.). Данная концепция заслуживает поддержки, так как ориентирует на нацеленность индивидуального предпринимателя или организации на решение социальных проблем по модели организационно напоминающих итальянские социальные кооперативы, но с дополнительными критериями, более ориентированными на повышение уровня жизни лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан. Оценку критериев на соответствие требованиям социального предпринимателя того или иного субъекта предложено осуществлять на основе сертификации, проводимым государственным органом (с.158, 159 дисс.).

По примеру британского законодательства 66% прибыли предпринимателя должно быть направлено на решение социальных проблем. В организации по предоставлению социальных услуг минимальный объем таких услуг не должен быть менее 50%, в организациях обеспечения занятости – численность работников, находящихся в трудном положении также не менее 50%. В смешанных социальных организациях такой порог будет не ниже 30% соответственно. Доля в фонде оплаты труда социального предприятия лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, должна составлять не менее 25%.

Заслуживает поддержки предложение автора о наделении Минэкономразвития РФ правом присваивать соответствующий статус в индивидуальном порядке для легализации деятельности предпринимателя с высокой социальной полезностью.

Рассматривая эффективные источники поддержки социального предпринимательства в Великобритании (гранты, инвестиции, долгосрочный капитал), автор предлагает внедрить опыт использования облигаций социального воздействия, позволяющего оптимизировать взаимодействие некоммерческого сектора, бизнеса и государства в возможности

расходования бюджетных средств при оценке степени воздействия на решение конкретной социальной проблемы.

В заключении подводятся краткие итоги исследования.

Достоверность диссертации Д.В. Калиниченко обусловлена теоретической, методологической основами исследования, эмпирической базой. Использование научных работ известных цивилистов в области гражданского и предпринимательского права, в том числе трудов зарубежных авторов, законодательства зарубежных стран в сочетании с эмпирическим материалом обуславливают обоснованность аналитического материала и выдвигаемых предложений.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций диссертации подтверждается привлечением большого массива научных публикаций по тематике исследования, как отечественных, так и зарубежных авторов, статистических данных, информации органов законодательной и исполнительной власти РФ, материалов судебно-арбитражной практики.

В рамках достижения цели и решения поставленных в работе задач автор применял ряд продуктивных методологических платформ и инструментов: системный анализ, правовое моделирование, научный прогноз, межотраслевой, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Решение каждой последующей задачи опирается на результаты предыдущих этапов исследования, что обуславливает их взаимосвязанность и взаимозависимость, комплексность осмысления и описания предмета исследования.

Теоретическое значение диссертационного исследования заключается в формировании выводов и предложений, оказывающих влияние на теорию гражданского и предпринимательского права в целом, а также рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере социального предпринимательства.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования сделанных в ней выводов и предложений при совершенствовании российского гражданского и предпринимательского законодательства, в правотворческой работе, а также при применении норм в сфере регулирования деятельности субъектов социального предпринимательства. Некоторые выводы диссертации могут быть распространены за пределы собственно тематики социального предпринимательства и использованы для объяснения юридической сущности иных правовых институтов.

Наряду с общей положительной оценкой результатов диссертационного исследования хотелось бы обратить внимание на отдельные **дискуссионные моменты**, требующие дополнительных пояснений:

1. Легализация статуса субъекта социального предпринимательства

определяется автором как важнейшее направление развития современного гражданского и предпринимательского законодательства. Логичным продолжением позиции автора, по нашему мнению, является рассмотрение вопроса о возможности внесения соответствующих изменений и дополнений в ГК РФ. Однако диссертант ограничивается суждением о дискуссионности вопроса по закреплению специальной организационно-правовой формы юридического лица и ее критериев в ГК РФ с точки зрения юридической техники (с.105 дисс.), полагая, что статус социального предпринимательства может быть получен вне зависимости от его организационно-правовой формы. При этом, автор, все же, поддерживает положение проф. Г.Ф. Ручкиной, А.В. Баркова и др. о возможной легализации в российском законодательстве социально-ориентированного хозяйственного общества, как разновидности общества с ограниченной ответственностью, правда за счет внесения поправок в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с. 106 дисс.).

Представляется, что глава 4 ГК РФ требует корректировки в плане обособления норм о субъектах социального предпринимательства, в частности, кооперативов. Разделение кооперативов на коммерческие и некоммерческие организации противоречит доктрине развития кооперативного движения как однородных организационно-правовых форм. На наш взгляд, объединение кооперативов и иных социальных организаций в единый параграф главы 4 ГК РФ усилит роль гражданского законодательства в правовом обеспечении социального сектора экономики.

2. Характеристика диссертантом социального предпринимательства как антикризисного правового инструментария, на наш взгляд, сужает роль данного института (с. 24, 27 дисс.). Появлению социальных форм предпринимательской деятельности в мировой практике предшествовала эпоха индустриализации, основным элементом которой явились коммерческие корпорации, закреплявшие жесткие внутренние нормы, довлеющие над их членами и работниками. Вместе с тем, индустриальный период развитых экономик создал надежную экономическую платформу для осуществлений социальных программ. В таких условиях стали востребованы компании, основанные на демократических принципах: добровольность членства, независимость, высокий уровень социальных гарантий и т.п. Дополнительным стимулом развития социального предпринимательства в развитых странах явились: рост безработицы в силу вывода предприятий в страны третьего мира; внедрение новых технологий; старение населения; запрос граждан на высокие стандарты социального обеспечения и др. Известно, что кооперация получала свое наивысшее развитие в периоды роста предпринимательской деятельности. В этой связи социальное предпринимательство следует рассматривать в качестве объективного компонента развитой рыночной экономики, служащего ключевым амортизатором возникающих издержек.

3. В диссертации значительное место уделяется вопросу

предоставление субсидий, софинансирования и т.п. субъекту социального предпринимательства из бюджетов различных уровней, как наиболее действенному средству поддержки (с.с. 16, 137, 141, 146, 169, 170, 172 и др.). Представляется, что отдельные виды социально-ориентированных организаций должны развиваться свободно, т.е. независимо от государственных или муниципальных органов и их должностных лиц. Советский опыт показал минусы развития огосударствленной экономики. Государство и другие публично-правовые образования, как известно, ничего просто так не дают, они всячески пытаются доминировать в деятельности таких организаций, зачастую претендуют на часть конечного продукта. На наш взгляд, государство должно создавать условия для свободного функционирования и развития субъектов социального предпринимательства, не вмешиваясь в организационно-хозяйственную деятельность. Собственно, и автор, в состав признаков предпринимательской деятельности включает высокую степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти (с. 52 дисс.). В этой связи хотелось бы уточнить, каким образом обеспечить независимое и свободное развитие субъектов социального предпринимательства, привлекая для осуществления социальной миссии государственные или муниципальные средства?

4. Ссылаясь на авторитетные работы современных ученых, диссертант разделяет критику определения предпринимательской деятельности и предлагает ее корректировку с учетом социальной (некоммерческой) деятельности субъектов социального предпринимательства (положение № 5, с. 50 дисс.). Мы поддерживаем позицию автора об уязвимости легального понятия предпринимательской деятельности, закрепленного в абз. 2 п.1. ст. 2 ГК РФ, учитывая, что некоммерческие организации и другие субъекты социального предпринимательства осуществляют предпринимательскую деятельность, которая не ставит своей основной целью деятельности извлечение прибыли. Однако автор, формулируя определение социального предпринимательства и предпринимательских признаков субъектов социального предпринимательства, не предлагает каких-либо изменений в законодательную трактовку данного определения (с.с. 35, 48, 52, 191). В этой связи требует уточнения вопрос о соотношении приведенных определений предпринимательской деятельности?

5. По мнению автора, субъектом социального предпринимательства является социальное предприятие, которое может функционировать в форме социального кооператива. Указанную терминологию автор применяет и к индивидуальным предпринимателям, занимающимся социальным предпринимательством (с. 60). Требуется уточнения, каким образом индивидуальный предприниматель может функционировать в форме социального кооператива?

6. Признание субъекта социального предпринимательства гибридной организацией, сочетающей признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, актуализирует вопрос о порядке применения

п. 3 ст. 401 ГК РФ к обязательствам с участие такого субъекта в качестве должника в части ответственности без вины.

Сделанные замечания не влияют на высокую оценку рассматриваемой диссертации.

Представленное Калиниченко Дмитрием Валентиновичем диссертационное исследование посвящено актуальным вопросам, ранее в таком виде не подвергавшимся изучению. Диссертация является самостоятельной научно-квалифицированной работой. В ней содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития гражданского и предпринимательского права. Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях. В автореферате отражены основные положения диссертации.

Резюмируя все стороны проведенного исследования необходимо подчеркнуть, что диссертационное исследование Калиниченко Дмитрия Валентиновича на тему «Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах» соответствует требованиям, предъявляемым разделом II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 01 октября 2018 г. №1168), а его автор – Калиниченко Дмитрий Валентинович – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук (специальность 12.00.03), профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»



Сергей Владимирович Тычинин

«15» марта 2019 года



Сведения об официальном оппоненте:

1. Тычинин Сергей Владимирович

2. Доктор юридических наук (юридические науки, специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

3. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса

4. Основные публикации официального оппонента по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Быстров Г.Е., Тычинин С.В.* Реформа кооперативного законодательства и концепция проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации» // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12(103). С. 99–105.

2. *Olga V. Batova, Natalya V. Kozyar, Victoria V. Kut'ko, Nadezhda M. Mityakina, Sergey V. Tychinin and Stanislav A. Moskalenko* Philosophical and Legal Concept of Justice in the Civil Law Institute of Russia // The Social Sciences, 11 (25): 6012-6015, 2016.

3. *Быстров Г.Е., Тычинин С.В.* Совершенствование кооперативного законодательства России: международный и российский правовой опыт // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 300–304.

4. *Зинковский М.А., Тычинин С.В.* Некоторые аспекты института публичной оферты в сделках с потребителем // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 1. С. 114–116.

5. *Тычинин С.В.* Производственный кооператив // Гражданское право. Учебник. В 3-х т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., Проспект, 2018. С. 212-228.

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор-начальник Управления
научной политики и организации
научных исследований ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Доктор физико-математических наук,
профессор А.А. Федянин



2019 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова»

на диссертацию Калиниченко Дмитрия Валентиновича
«Правовое положение субъектов социального предпринимательства в
Российской Федерации и зарубежных странах»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное
право

Проблематика урегулирования и исследования социального предпринимательства набирает все большую популярность во всем мире. Ее актуальность заключается в том, что, несмотря на свой молодой возраст (не более трех десятилетий), социальное предпринимательство охватило весь земной шар и заняло место в одном ряду с такими общепризнанными явлениями, как некоммерческие инициативы, благотворительность и корпоративная социальная ответственность. Однако в России социальное предпринимательство находится в зачаточном состоянии по сравнению с европейскими и азиатскими странами: слишком мало положительного опыта в этой сфере, недостаточная законодательная база и, помимо этого, не хватает возможности для реализации подобных проектов.

Периодически предпринимаемые в Российской Федерации попытки реализации социальных реформ оказываются безуспешными. В связи с этим следует согласиться с мнением автора о том, что снижение доходов населения не может свидетельствовать об успешности российской социально-экономической политики, направленной на обеспечение конституционных гарантий (С. 5 диссертации, С. 3 автореферата).

Социальное предпринимательство уже во всех странах развитого правопорядка нашло свое правовое оформление и поистине зарекомендовало себя как эффективный антикризисный инструмент решения социальных проблем. В Российской Федерации также сформировался запрос на правовое оформление и регламентацию указанной деятельности, что требует осмысления зарубежного опыта и его сопоставления с отечественными реалиями. Таким образом, зарубежные унифицированные тенденции в сфере социального предпринимательства не могут не затрагивать российский правопорядок. Следовательно, изучение распространенного трансграничного опыта развития и поддержки социального предпринимателя следует признать востребованным, современным и необходимым, что и обуславливает актуальность темы диссертационного исследования, убедительно раскрытой соискателем в различных (политическом, социально-экономическом правоприменительном и правотворческом) аспектах (С. 4-8 диссертации, С. 3-5 автореферата).

Следует согласиться с оценкой диссертанта, что, несмотря на отмеченную актуальность проблематики, вопросы гражданско-правового регулирования социального предпринимательства изучены недостаточно глубоко, а отмеченные немногочисленные научные работы не в состоянии охватить всю проблематику в указанной сфере (С. 8-11 диссертации, С. 5-7 автореферата). Очевидно, что по исследуемой проблеме в предложенных автором объеме и аспекте диссертации отсутствуют.

Представляется, что цель диссертационного исследования (С. 11 диссертации, С. 7 автореферата) достигнута. Автору удалось сформировать целостное научное представление о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах, обосновать научно-практические рекомендации по легализации статуса субъекта в отечественном законодательстве.

Высокая степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных соискателем, их достоверность и новизна, не вызывает сомнений, так как они основываются на убедительной методологической, теоретической, эмпирической и нормативной основе (С. 12-14 диссертации, С. 8-10 автореферата).

В первую очередь заслуживает одобрения методологическая основа диссертации, которая позволила соискателю глубоко и всесторонне изучить концептуальные вопросы исследуемой темы. Примененные общенаучные и частнонаучные методы познания (системный анализ, правовое моделирование, научный прогноз, межотраслевой, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие) позволили провести глубокий анализ зарубежного законодательства, посвященного регламентации правового положения субъектов социального предпринимательства в различных странах, а также проанализировать отечественный подход в сфере поддержки таких субъектов.

Убедительно представлена теоретическая основа исследования, которую составили многочисленные монографические издания, диссертационные исследования и научные публикации ведущих отечественных и зарубежных ученых. Эмпирическая база исследования также не вызывает сомнений. В процессе исследования использовались информационные российские и зарубежные обзоры о развитии социального предпринимательства, законопроекты, статистические данные, содержащиеся на официальных сайтах правительственных органов.

Достоверность и обоснованность результатам исследования придает анализ около 70 иностранных источников (англо- и итальяноязычных), введенных в научный оборот. Как в самом исследовании, так и в девяти опубликованных по теме диссертации работах, шесть из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ, автор последовательно и логично обосновывает положения, выносимые на защиту, что свидетельствует о достаточной степени их апробации.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития науки гражданского и предпринимательского права обусловливается их несомненной новизной, заключающейся в следующих результатах:

- с учетом зарубежного нормотворческого и правоприменительного опыта в сфере социального предпринимательства сформулирована дефиниция субъекта социального предпринимательства (С. 35 диссертации), предложена классификация субъектов (С. 33-34 диссертации);

- выявлены современные мировые тенденции и закономерности развития законодательства, определяющего правовое положение субъектов социального предпринимательства и их трансформацию в гибридные социально-предпринимательские организации, а также характерные признаки, наиболее распространенные способы легализации (С. 60-64, С. 71-72 диссертации);

- оценены достоинства американского, британского, итальянского, южнокорейского и других, наиболее характерных законодательных подходов легализации критериев субъекта социального предпринимательства и условий для его государственной поддержки (С. 75-76, С. 79-80, С. 83-84, С. 94, С. 101-102, С. 106-107, С. 121-123, С. 140-141 диссертации);

- дан критический анализ российского подхода к решению проблемы совершенствования правового положения субъекта социального предпринимательства; обоснованы с учетом зарубежного правоприменительного опыта критерии его правового статуса как условий,

предоставляющих право на государственную поддержку (С. 143-144, С. 149-153, С. 165-166 диссертации);

- оценены перспективы применения зарубежного социально-предпринимательского правового инструментария (облигаций социального воздействия) поддержки социального предпринимательства (С. 179-181, 188 диссертации).

Структура диссертационного исследования логичная, обусловлена поставленными задачами, что позволяет последовательно рассмотреть основные вопросы исследуемой проблематики. Работа состоит из трех глав, разделённых на восемь параграфов, при этом в каждой части исследования формулируются интересные и аргументированные выводы, которые актуальны, достоверны, обладают научной и практической значимостью.

В первой главе автор анализирует эволюцию идеологии социального предпринимательства как методологической базы совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере. Соискатель справедливо отмечает, что в основе концепции социальной экономики лежит поиск баланса прибыли и социальной цели, раскрывает развитие идеологии социального предпринимательства за рубежом, отмечает тенденцию легализации новых организационно-правовых социально-предпринимательских форм юридических лиц. Верно отмечено автором, что закономерности и перспективы развития законодательства, регламентирующего правовое положение субъекта социального предпринимательства, невозможно определить без понимания сущности идеологии социального предпринимательства, являющейся методологической базой исследования всех этих явлений (С. 24 диссертации).

Автор вполне обосновано вывел четыре основных принципа на основе которых построена идеология социального предпринимательства, среди них принцип нацеленности предпринимательской деятельности субъектов социального предпринимательства (социальных предпринимателей) на

решение широкого и открытого перечня социальных проблем посредством оказания качественных социально значимых (общественно полезных) услуг, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для всех других субъектов социально ответственного предпринимательства. Указанный принцип представляется основным для всего социального предпринимательства, где ярчайшим образом сконцентрирована его суть (С. 29 диссертации, положение 1, выносимое на защиту).

Обосновано в работе сделан акцент о необходимости комплексного характера развития законодательства о социальном предпринимательстве как конвергенции публичных и частных правовых начал в указанной сфере (С. 49 диссертации). Высказана достаточно взвешенная идея о дифференциации субъектов социального предпринимательства вне зависимости от организационно-правовой формы осуществления ими социально-предпринимательской деятельности по нацеленности на решение социальных проблем на организации общественной полезности и социально-трудовой интеграции, что представляет большую практическую ценность в контексте перспектив развития указанного института в РФ (С. 33-34 диссертации). Также научную ценность представляет сформулированная на основе ранее выявленных принципов идеологии социального предпринимательства само его определение (С. 35 диссертации).

Важное методологическое значение, на наш взгляд, имеет вывод, содержащийся в 5 положении, выносимом на защиту, в котором доказывается общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, которая проявляется в том, что данные субъекты, вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса, органично сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации.

Большую научную ценность также представляют выявленные автором наиболее распространенные в мировой правоприменительной практике способы легализации субъектов социального предпринимательства, анализ которых обусловил логичность структуры главы второй исследования. Указанные способы выступают как апробированные, всемирно устоявшиеся и могут быть заимствованы отечественным законодательством.

Во второй главе анализируется опыт целого ряда зарубежных стран по определению статуса субъекта социального предпринимательства и условий его государственной поддержки. Так, автором исследованы: правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условия его поддержки в странах континентальной Европы; особенности определения статуса социально-ориентированных корпоративных организаций США и Германии; критерии предоставления статуса корпорации общественных интересов в Великобритании и Канаде; критерии статуса, а также условия государственной сертификации и поддержки субъектов социального предпринимательства в Южной Корее. Материал зарубежных первоисточников сопровождается авторскими комментариями о достоинствах и недостатках соответствующей модели правового регулирования. Все выводы, сделанные по окончании каждого из параграфов второй главы, имеют большое практическое значение ввиду отсутствия в нашей стране нормативных правовых актов, которые бы закрепляли правовое положение субъектов социального предпринимательства и содержали четкие критерии для их государственной поддержки. Представляется, что использование передового зарубежного опыта позволит создать развитую нормативную базу по регламентации правового статуса указанных субъектов. Так, интересным представляется один из выявленных автором подходов итальянского законодателя, в частности нашедший отражение в ст. 2 закона «О социальных кооперативах» от 08.11.1991 № 381, согласно которому, кроме самих работников кооператив также должен включать

добровольных членов, осуществляющих свой труд бесплатно, количество которых в среднем составляет 20% от общего числа занятых лиц. Автор отмечает широкий функциональный потенциал развития социального предпринимательства при задействовании добровольцев. В связи с этим соискатель вполне оправдано частично критикует Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», который не предусматривает и не определяет формы и виды добровольческой (волонтерской) деятельности (С. 80 диссертации).

Вполне конструктивной выглядит критика диссертанта относительно возможности применения в России негосударственной рейтинговой сертификации как основания присвоения статуса субъекта социального предпринимательства при всех ее несомненных, по мнению автора, достоинствах оценки социального и экологического общественного воздействия, ввиду доминирования государства в социальной сфере, неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. При этом соискатель вполне обоснованно считает такой способ присвоения статуса субъекта социального предпринимательства достаточно продуманным и удачным в США (С. 13 автореферата, положение 7, выносимое на защиту).

Убедительно выглядит вывод автора относительно функциональности и эффективности применения инновационных британских правовых механизмов, способствующих следованию предпринимателей к социальной цели. К ним относится механизм «запертых средств» или «блокировки активов» (asset lock – (англ.)) и механизм по «выплате верхнего предела дивидендов» (dividend cap – (англ.)), они предписывают компаниям реинвестировать в свое дело, преследующее социально значимые цели, 2/3 от своей прибыли. Аналогичным образом несомненный научный интерес представляет вывод диссертанта о необходимости для южнокорейского социального предприятия в качестве одного из оснований для получения подобного статуса соблюдать требование, чтобы доход от

предпринимательской деятельности организации превышал 30% от размера выплачиваемой работникам заработной платы (С. 130 диссертации). Таким образом, все выводы диссертанта обладают новизной, а использование законодательства большого числа зарубежных стран, делает их обоснованными и достоверными.

В третьей главе, состоящей из двух параграфов, уделено внимание изучению положений законодательства и науки о правовой регламентации статуса субъектов социального предпринимательства в РФ и перспективам применения в нашей стране положительного зарубежного опыта по совершенствованию правового положения субъектов социального предпринимательства. Особого внимания и оценки заслуживают сформулированные автором критерии субъекта социального предпринимательства как условия его государственной поддержки в РФ, ввиду отсутствия таких критериев в отечественном законодательстве. Подобное формирование критериев субъекта социального предпринимательства в целях его государственной поддержки выглядит необходимым и своевременным в ключе реализации социальных реформ. Указанные критерии представляют большую научно-практическую ценность (С. 15-16 диссертации, положение 10, выносимое на защиту). Вполне новым и актуальным выглядит описанное автором действие такого финансового инструмента привлечения инвестиций как облигации социального воздействия (Social Impact Bonds (SIB) – (англ.)) или облигации развития (Development Impact Bonds (DIB) – (англ.)). Применение такого финансового института, безусловно, должно повышать уровень социальной ответственности предпринимателей, что не может не восприниматься как продуктивная и необходимая мера (С. 180 диссертации, С. 25 автореферата, положение 11, выносимое на защиту).

Представляется, что диссертация обладает высокой теоретической значимостью, состоящей в том, что автор внес определенный вклад в науку российского предпринимательского и гражданского права, сформировал

целостное научное представление о совершенно новом для России институте социального предпринимательства и его субъектах. Положения и выводы, сформулированные соискателем, обогащают теорию предпринимательского, гражданского права. Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью использования выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, в дальнейшей научной разработке исследуемой темы, а также в качестве теоретической основы для совершенствования законодательства и практики правоприменения, в частности для разработки законодательства о социальном предпринимательстве.

Есть основания утверждать, что диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствующие о личном вкладе автора исследования в науку гражданского и предпринимательского права. Сомнений в том, что диссертационная работа написана автором самостоятельно – нет. Представляется, что предложенные автором диссертации решения убедительно аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Вместе с тем, в диссертации Д.В. Калиниченко, как в любом новаторском исследовании, **имеют место дискуссионные выводы, требующие их пояснения и дополнительного обоснования.**

1. Тема диссертации обозначена как «Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах», однако, содержание работы свидетельствует о том, что ее основной объем включает анализ зарубежного законодательства, а правовому обеспечению социального предпринимательства в России фактически посвящен только один параграф третьей главы. Насколько оправдано такое смещение акцентов исследования в сторону зарубежных правовых порядков?

2. Критика российского подхода к решению проблемы легализации правового статуса субъекта социального предпринимательства в диссертационном исследовании проведена на основе анализа отклонённых

Государственной Думой РФ законопроектов. Вместе с тем, в недавнее время Правительством РФ к обсуждению предложен новый законопроект, который, как представляется, в лучшую сторону отличается от предыдущих. Если диссертант «в зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем» дифференцирует субъектов социального предпринимательства на социально-ориентированные организации: «социально-трудовой интеграции и общественной пользы» (Второе положение на защиту, С. 11 автореферата), то в новом законопроекте впервые предпринята попытка закрепления критериев социального предпринимательства с учетом природы целевой социальной группы, то есть, в зависимости от места благополучателя в цепочке создания стоимости и определяющих четыре, а не две, как у автора, экономические модели социального предприятия.

Будет ли корректироваться авторская позиция к обоснованию критериев правового статуса социального предпринимателя как условий, предоставляющих право на государственную поддержку, с учетом оценки достоинств нового законопроекта, имеющего высокие шансы на утверждение?

3. В работе автор часто использует различные правовые категории «субъект социального предпринимательства», «социальное предприятие», «социальный кооператив». При этом не совсем понятно, как соотносятся указанные термины между собой, являются ли они синонимичными или нет? Если указанные категории разнородные, то следует уточнить позицию относительно субъектного состава социального предпринимательства.

4. Автор в первом положении, выносимом на защиту, к субъектам социального предпринимательства, в частности, относит некоммерческие организации, которые согласно Гражданскому кодексу РФ, вправе осуществлять деятельность, «приносящую доход», но не предпринимательскую деятельность. Насколько обосновано смешение этих видов деятельности?

5. Представляется, что вывод, содержащийся в седьмом положении, выносимым на защиту, может быть оспорен или скорректирован. По мнению

соискателя, «легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица как альтернативного решения без определения в целом правового положения субъекта социального предпринимательства не может достичь ожидаемого эффекта» (С. 13 автореферата). В США, как известно, нет специального закона о социальном предпринимательстве, однако, североамериканский опыт легализации субъекта социального предпринимательства посредством присвоения статуса «Benefit corporation» рейтинговым агентством «B-Lab» активно и успешно используется социально-ориентированными корпорациями в Австралии, Бразилии, Канаде, ряде Европейских государств, для обеспечения конкурентных преимуществ производимого товара. В отличие от поддерживаемого диссертантом европейского подхода поддержки социального предпринимательства, компании, построенные по американской модели, не имеют налоговых льгот и государственных преференций, что не мешает данным социальным корпорациям обеспечивать конкурентные преимущества продуманной системой сертификации и уникальной новаторской моделью корпоративного управления, достоинства которой, как представляется, не получили в диссертации должной оценки.

Вместе с тем необходимо отметить, что указанные замечания преимущественно носят дискуссионный характер, не разрушают целостность защищаемой концепции и не умаляют высокого значения выводов диссертанта.

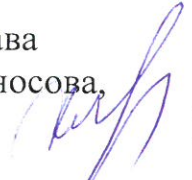
Таким образом, диссертация Калиниченко Дмитрия Валентиновича «Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах» является законченным научным трудом, научно-квалификационной работой, выполненной в соответствии с требованиями, предъявляемыми Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (в последней редакции) к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, содержит решение

задач, имеющих значение для науки гражданского и предпринимательского права, и в полной мере соответствует предмету специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

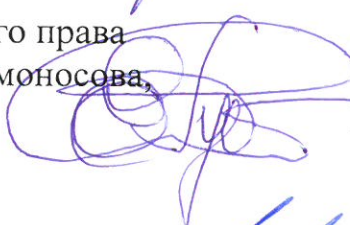
Автор работы – Калининченко Дмитрий Валентинович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Настоящий отзыв подготовлен доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» Юлией Сергеевной Харитоновой, обсужден и одобрен на заседании кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 06 марта 2019 г. (протокол №02/19).

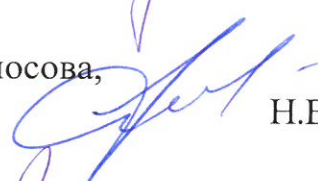
Профессор кафедры предпринимательского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

 Ю.С. Харитонова

Заведующий кафедрой предпринимательского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

 Е.П. Губин

Заместитель декана
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

 Н.В. Козлова

Секретарь заседания кафедры

 В.И. Машкова

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ имени М.В. Ломоносова)

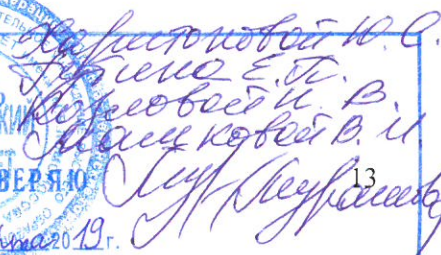
Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1

Адрес официального сайта в сети Интернет: www.msu.ru

Телефон: 8(495) 939-10-00

Адрес электронной почты: info@rector.msu.ru





Сведения о ведущей организации:

1. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; ФГБОУ ВО «МГУ»

2. г. Москва, Ленинские горы, д. 1

3. Почтовый адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Телефон: (495) 939-10-00

Факс: (495) 939-01-26

E-mail: info@rector.msu.ru

Официальный сайт: www.msu.ru

4. Основные публикации работников ведущей организации по теме диссертации за последние 5 лет в рецензируемых научных изданиях:

1. *Белицкая А.В.* Государственно-частное партнерство как альтернатива контрактной системы // Юрист. 2014. № 5. С. 33–37.

2. *Губин Е.П.* Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 23–30.

3. *Губин Е.П.* Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3–9.

4. *Вайпан В.А.* Принцип социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Гражданское право. 2016. № 2. С. 3–8.

5. *Харитонова Ю.С.* Конвергенция частного и публичного в предпринимательском законодательстве и праве // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 173–180.

6. *Карелина С.А.* Правовые проблемы реализации института несостоятельности (банкротства) граждан по законодательству РФ // Хозяйство и право. 2017. № 7. С. 51–56.

7. *Шиткина И.С.* Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 3–28.

Монографии:

8. *Вайпан В.А.* Теория справедливости: право и экономика. М.: Издательство: Юридический Дом «Юстицинформ», 2017. – 280 с.

9. Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы / В.А. Вайпан, О.А. Беляева, А.В. Белицкая и др. / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Издательство: Юридический Дом «Юстицинформ», 2018. – 380 с.

10. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики / коллектив авторов, отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Издательство: Юридический Дом «Юстицинформ», 2018. – 510 с.